

A romantic couple in a close embrace. The man, on the left, is shirtless and has his eyes closed as he kisses the woman on the cheek. The woman, on the right, has her eyes closed and a serene expression. She is wearing a dark, possibly black, halter-neck dress. Her hair is long and dark, and she has red lipstick. The background is a warm, textured wall. The lighting is soft and intimate, highlighting the couple's faces and the texture of the woman's dress.

Свои грехи
она смывала чужой кровью

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

МЕНТЫ ТАКИХ
НЕ ТРОГАЮТ

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Колычев. Любовь зла и коварна

Владимир Колычев

Менты таких не трогают

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Менты таких не трогают / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2018 — (Колычев. Любовь зла и коварна)

ISBN 978-5-04-092037-2

Не сдержала Лида своего слова – не дождалась из армии Прохора. Пока тот служил, согласилась на предложение бизнесмена Егора. Помог он им с отцом выпутаться из серьезных долгов, после чего и стал женихом Лиды. На Прохора, вернувшегося из армии, обрушиваются тяжелые испытания. Мало того что любимая предпочла другого, так вдобавок бывший спецназовец оказался в горниле бандитских междоусобиц. Но сдаваться он не собирается, как и отказываться от своей любимой. Кровью завоевывает авторитет и власть. И все ради той, которая уже привыкла требовать и без спроса брать все, что захочет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092037-2

© Колычев В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Колычев

Менты таких не трогают

© Колычев В., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

Отплакала свое девчонка, прошли дожди, вернулся солдат. Он здесь, он рядом, и не надо его больше ждать. Прохор мог сказать Лиде об этом вслух, но от волнения у него сдавило грудь и пережало горло. Он просто обнял свою любимую, с дрожью прижал к себе. Запах ее волос и нежной кожи кружил голову, упругость желанного тела пьянила воображение – еще чуть-чуть, и захочется чего-то большего, чем просто стоять и обниматься. А у него есть дача – небольшой летний домик за городом, ключ лежит под порожком. Можно взять такси, увезти Лиду из духоты вокзала в хвойную свежесть сосновой рощи. Там он снимет с нее тонкий шелк платья...

– Проша, я так рада! – пробормотала Лида.

– Неужели это не сон?

– Не сон. – В ее голосе почему-то дрогнула грустная нотка.

– А вдруг это не ты? – Прохор выпустил девушку из объятий, посмотрел на нее и улыбнулся:

– Ты!

Лида у него самая красивая – эти волосы, эти глаза, эта ослепительная улыбка... А фигура!.. Друзья завидовали ему, не скрывая этого. Теперь завидовать будут еще больше. Лида дождалась его, доказала свою любовь и верность. Это дорогого стоит.

– А вдруг все-таки сон? – тоже улыбнулась она.

– Ты снилась мне каждую ночь, – мотнул он головой. – Я знаю, когда ты мне снишься, а когда нет.

– И как же я тебе снилась?

– Да вот так! Ты встречаешь меня на вокзале, я обнимаю тебя и веду... – Одной рукой Прохор взял сумку, другой – обнял Лиду за талию и кивком показал на здание вокзала.

– И куда ты собираешься меня вести?

– В нашу новую жизнь.

– Далеко, – невесело вздохнула она.

– Да, но мы уже давно в пути.

С Лидой Прохор познакомился за полгода до армии. Сначала влюбился, а потом познакомился. И она ответила ему взаимностью. Но в постель с ним легла перед самым расставанием. В ночь перед проводами он отвез ее на дачу, там все и случилось. А потом два года в армии. Но ведь это тоже движение вперед, к их счастливому будущему. Служба осталась в прошлом, и ничто теперь не помешает им сыграть свадьбу. А там и дети появятся. Все будет как у людей, даже лучше.

– Да уж, путь-дорожка, – снова вздохнула Лида.

– Путь-дорожка, – кивнул он, настороженно глянув на нее.

– Как бы дорожку кто-нибудь не перешел...

– Это ты о чем?

Что-то темнит она. Ходит вокруг да около, а в лоб сказать не решается.

– Уведи меня куда-нибудь поближе.

– Куда?

– Поехали просто к тебе, – тихо сказала она.

Прохор кивнул. Лида и сама очень соскучилась по нему и тоже хотела бы оказаться в дачном домике у реки. На это и намекала. А он о будущем заговорил – в то время когда ее больше волновало настоящее. Отсюда и околичности, которые он воспринял чуть ли не как дурное предзнаменование... Проще надо быть.

Смуглый кучерявый таксист на подержанной «Волге» с мятым крылом подрезал их у входа в здание.

– Куда едем, солдатик? – спросил он, скользнув черными масляными глазками по Лиде.

И так вдруг Прохору захотелось заехать ему с ноги. Но нельзя. Он еще до армии всерьез увлекался единоборствами и давал обещание не распускать руки. К тому же он отдавал себе отчет, кто такая Лида. Ее красота – как магнит для мужских взглядов. На нее всегда будут смотреть. И к этому снова нужно привыкать.

Прохор сказал, куда ехать, таксист назвал цену, и они ударили по рукам. Лида загадочно улыбалась, наблюдая за ними.

Таксист открыл багажник, взял у Прохора сумку, положил ее туда и распахнул дверцу для Лиды.

– Эй, я не понял! – как гром среди ясного неба раздался мужской, но с истеричными нотками голос над самым ухом у Прохора. Лида дернулась, как будто ее пронзила молния.

Прохор резко развернулся и увидел худощавого, жилистого мужчину лет тридцати. Стильный летний пиджак, модные джинсы с брендовой бляхой на широком кожаном ремне. Ранние залысины, массивный лоб, маленькие глаза под литыми надбровьями, крепкий нос, тяжелый подбородок. Лицо не крупное, даже узкое, но кость крепкая, тяжелая. И ударопрочная. Надбровья сплющ из шрамов от рассечений, нос заметно деформирован от пропущенных ударов. И на ушах заметны следы от борцовских объятий. Тренированная шея, покатые плечи, сильные руки. Мужик, похоже, и боксом занимался, и борьбой. Но Прохору на это наплевать.

– Ты чего орешь, придурок? – спросил он.

– Кто придурок?! – уставился на него жилистый.

В его понимании придурком был сам Прохор, а тут на тебе – все наоборот.

– Так, всё, успокоились! – Лида взяла себя в руки и встала между ними.

– Да я-то спокоен, а что ты здесь делаешь? – не унимался жилистый.

– Лида, кто это такой? – спросил Прохор.

– Егор... – ответила она. И, немного подумав, на протяжном выдохе добавила: – Мой жених.

– Кто?!

– Ты чо, контуженный? Или в уши долбишься? – Егор смотрел на Прохора, как победитель на поверженного.

Но при этом ему не хватало уверенности. Как будто он знал, что победа в их боксерском поединке досталась ему из-за грубой судейской ошибки. А ошибка в этой ситуации не просто присутствовала, она орала во весь голос. Какой еще мог быть жених у Лиды?! Что за дичь?! И тут Прохор почувствовал, что между ним и Лидой образовалась огромная пропасть. Она вдруг стала почти совсем чужой...

– Лида, скажи, что ты пошутила, – чуть ли не умоляюще попросил он.

– Это шутка, – пронзительно вздохнула девушка. – Но такая злая... Такая жуткая...

– Ошибка – это сопля на погоне, – ухмыльнулся Егор, презрительно глянув на Прохора, явно указывая на его ефрейторскую лычку.

Пространство между ними наэлектризовалось до высоковольтного напряжения. Бойцовскую стойку никто принимать не стал, но чувствовалось, что к отпору готов каждый. Так же как и к нападению тоже.

– Егор, не надо! – Лида снова встала между ними. – Можно, я просто поговорю с Прохором?

– У тебя одна минута. – Закусив губу, Егор глянул на часы и отошел в сторону.

А Лида повернулась к Прохору:

– Я хотела тебе об этом сказать...

– Ты уже все сказала.

– Я его не люблю... И не хочу выходить за него замуж.

– Так в чем же дело?

– Но я дала ему слово.

– А мне ты слово не давала?

– Ты ничего не знаешь... – Лида виновато опустила голову.

– Я уже все знаю, – едко усмехнулся Прохор. – И пошел он к черту, поехали со мной!

– Уже поздно.

– Ничего не поздно.

– Я же говорю, ты ничего не знаешь...

– Так скажи...

– Мой отец попал на деньги, а Егор его выручил... Нас выручил... Я не могу отказаться от своего слова... Прости!

Лида поджала губы, чтобы не расплакаться, и повернулась к Прохору спиной.

– Стой! – взял он ее за руку, но Егор тут же подскочил к нему:

– Руки!

– Я тебя сейчас урою! – тихо прорычал Прохор.

– Здесь люди. – Егор глянул на него хищно, исподлобья. – Давай завтра. Можно в парке, у пруда.

– За качелями, – кивнул Прохор.

В городе было целых четыре парка, два из них с аттракционами, и только один – с прудом.

И он очень хорошо его знал.

– Качели уже снесли, – усмехнулся Егор. – А я снесу тебя.

– Давай сегодня. Через час.

– Через два.

– Только попробуй! – Лида схватила Егора за руку и потянула за собой.

– Через два часа, – уходя, повторил он.

– Не будет его там, не приходи! – мотнула головой девушка, виновато глядя на Прохора.

– Приходи! – на ходу бросил Егор.

Прохор стоял как вкопанный, глядя, как Егор открывает свою машину – сверкающий лаком «БМВ». Автомобиль новый, чертовски дорогой. Видно, Егор – мужчина при деньгах. Может, потому Лида и сделала выбор в его пользу. Не любит она его, но красивая жизнь зовет и манит.

– Ну что, едем? – спросил таксист, провожая девушку завистливым взглядом, и вздохнул: – А что ты хотел, триста лошадей! Поехали, поехали! – похлопал он Прохора по плечу и открыл дверь, приглашая занять место в машине.

– Поехали, – кивнул Прохор, садясь на переднее пассажирское сиденье.

Таксист завел двигатель и цокнул языком, трогая свое старье с места. Потом повернул голову к Прохору и задумчиво проговорил:

– У Королька денег немерено, он и пятьсот лошадей взять может.

– Королек?! Ты его знаешь? – встрепенулся Прохор.

– Да слышал... И видел... Он с Кульбитом в свое время дела делал.

– С Кульбитом?

Кульбита Прохор знал. Этот очень авторитетный спортсмен оказывал спонсорскую помощь клубу, в котором он занимался. В свое время даже собирался учредить специальный

приз в свою честь. Но не сложилось. Убили Кульбита. Расстреляли в машине вместе с охраной. Разговоров потом было...

– Так убили же Кульбита!

– Убили, – кивнул таксист. – А Королек остался. Он сейчас весь в бизнесе. Магазины у него свои, торговля... Круто развернулся.

– Да уж.

– Мой тебе совет, парень, не связывайся с ним.

– Давай ты советы своему карбюратору будешь давать, – усмехнулся Прохор. – Чтобы движок не заглох.

– А что карбюратор? Карбюратор заменить можно. Старый выбросить, а новый поставить. А жизнь, она у человека одна...

– Где живет этот Королек, знаешь?

– Какой Королек? – с наигранным удивлением спросил таксист.

– А ты о ком тут мне вправляешь?

– Ничего я не вправляю. Еду себе спокойно.

Прохор скривил губы в пренебрежительной ухмылке. Бандит он, этот Королек, или нет, но связываться с ним действительно опасно. Потому таксист и «включил дурака». Да и сам Прохор не искал проблем на свою голову, потому с удовольствием махнул бы рукой на Королька. Но этот козел увел у него девушку, и у него просто нет других вариантов, кроме как принять брошенный вызов.

Не внешность красит мужчину, а его возможности. Так говорил Егор, и Лида даже в чем-то с ним соглашалась. А возможности у него серьезные. И результат виден всем – машина, дом, бизнес. Вот и она должна стать очередным его приобретением, скоро свадьба, и это ее пугало.

На внешность он далеко не последний мужчина. Черты лица грубые, но выразительные – глянешь на него, и видна суровая мужская суть. Но не тянется к нему душа, не замирает сердце при мысли о нем. Прохор тоже не красавец, но Лида чуть не умерла сегодня от восторга в его объятиях. Более того, действительно захотелось умереть, чтобы не достаться Егору.

– Я жду объяснений, – тихо, но напористо произнес Егор, глядя на дорогу.

– Я тебе не жена, так что не надо, – качнула она головой.

– Ты – моя невеста, а скоро и женой станешь.

– Я не хочу с тобой об этом говорить.

Это сейчас Егор целиком в бизнесе, а раньше он был самым натуральным бандитом. И Лида это хорошо знала. Ее отец сам пытался заняться бизнесом, даже открыл магазин, но прогорел. Он связался с очень опасными людьми, которые пришли к нему за деньгами. Пришлось продать дачу, гараж, машину, но бандитам этого было мало. Если бы не вмешался Егор, они бы забрали и саму Лиду – в счет долга. Но Егор все решил. И сам ее забрал – как оплату за оказанные услуги. Родители тому только рады. Мама так и вовсе без ума от Егора. Брутальный мужчина с деньгами – лучшей партии для Лиды и не придумаешь. А кто такой Прохор? Ни кола ни двора, одна только печать в военном билете...

Но это мама так думала. А Лида Прохора любила. И Егор об этом знал, поэтому и перехватил их сегодня на вокзале, заставив почувствовать себя виноватой.

– И я не хочу о нем говорить... – сказал он. – Но если еще раз увижу вас вместе, я его убью.

Лида промолчала. У Егора своя фирма, есть служба безопасности с криминальным уклоном. Ему совсем не трудно будет нанять человека, который сможет убить Прохора. Один снайперский выстрел, и все... Смутные времена, смутные нравы.

– Я его сам убью, – словно прочитав ее мысли, решительно произнес Егор. – Сегодня.

– Ты куда не поедешь, – мотнула головой Лида.

У Прохора черный пояс по карате, и в армии он служил в спецназе. Он мог бы справиться с Егором в кулачном бою. Но у бандитов свои правила, и они далеко не всегда честные. Егор просто достанет пистолет и застрелит Прохора. И кого Лида будет в этом винить?

– Это решенный вопрос, – качнул головой Егор. – Сейчас отвезу тебя домой и поеду в парк... И если этот Прохор не трус...

– Ты никуда не поедешь! – Лида тоже приняла решение. И она готова костью лечь, чтобы не подпустить Егора к Прохору.

– Кто это сказал? – усмехнулся он.

– Я сказала.

– Ты мне еще не жена.

– Я твоя невеста!

– Тогда почему ты поехала встречать этого урода?

– Прохор – не урод!

– Извини. О покойниках или плохо, или никак...

– Замолчи!

– Ты не должна с ним больше встречаться.

– Я должна была его встретить...

– Встретила?.. Попрощалась?..

– И ты с Прохором попрощался. Больше никаких встреч.

– Хорошо, – кивнул Егор. – Ты даешь мне слово не встречаться с ним. Я даю тебе слово не трогать его.

– Договорились.

Вскоре машина остановилась у ворот его дома.

– И что это значит? – спросила Лида, когда они въехали во двор.

Дом у него большой, красивый, и внутри все на высшем уровне. Подружки с ума сходят от зависти. Но Лида была здесь всего пару раз. И на ночь не оставалась. Но все должно когда-то произойти. Она посмотрела на Егора и, увидев блеск одержимости в его глазах, поняла, почему он привез ее к себе. *Это* должно было произойти прямо сейчас. Но нельзя ложиться с Егором в тот день, когда Прохор вернулся из армии... Завтра можно, а сегодня нельзя...

Егор вышел из машины, открыл дверцу с ее стороны, но Лида осталась сидеть, только головой мотнула.

– Ну, хорошо, я отвезу тебя домой, – сквозь зубы процедил он, все поняв, и скрылся в доме.

Оттуда вышел с пистолетом в руке. Лида видела, как он сунул его за пояс перед тем, как снова сесть в машину.

– Если с Прохором что-то случится, ты меня никогда больше не увидишь! – предупредила она.

– И куда ж ты денешься? – усмехнулся Егор.

– Туда, откуда не возвращаются.

– Да?.. – Он вынул из-за пояса пистолет и протянул ей: – Можешь застрелиться прямо сейчас.

– По-твоему, это смешно? – холодея от страха, пробормотала Лида.

– Если ты не шутишь, то нет... А если шутишь, то больше так не делай, – покачал он головой, возвращая пистолет на место.

– А ты шутишь?

– Нет.

– И убьешь Прохора?

– Да. Но если ты отречешься от него, с ним ничего не случится.

– Я даю тебе слово, что не буду искать встреч с Прохором, – кивнула Лида.

Егор вышел из машины, открыл дверь и подал ей руку. В этот раз она упрямиться не стала. И оказалась у него дома. По лестнице из красного дерева Егор провел ее на второй этаж и открыл дверь в свою спальню. Лида протяжно вздохнула, позволила уложить себя на кровать и закрыла глаза, из которых текли слезы...

Глава 2

Топор с размаха вошел в мертвую плоть и, с легкостью разрубив мясо и кость, вонзился в колоду. И снова взмах, и снова рубящий удар. И снова от голяшки отвалился аккуратный кусок.

Мясник разделявал свиную ногу со знанием дела. И делал это с удовольствием. Достаточно было посмотреть на него, чтобы понять это.

В армии Прохора учили убивать, однажды его заставили руками распотрошить живот мертвой свиньи, чтобы он смог преодолеть в себе брезгливость. Он справился с заданием, но удовольствия не получил. А этот мордастый тип в поварском колпаке испытал бы восторг.

– Ну, чего встал? – Дядя Митя толкнул Прохора в бок и кивком показал на холодильную установку с открытой дверью. Он, казалось, хотел проскользнуть мимо мясника, не привлекая к себе внимания, но тот заметил их, остановился. – Петр Афанасьевич, мы пришли! – угодливо улыбнулся дядя Митя.

Мясник кивнул в сторону холодильника и продолжил свое дело. Прохор пожал плечами. Ну, рубит мясо мужик, что здесь такого? Почему дядя Митя так заискивает перед ним? Мужик немолодой, где-то под сорок, но дядя Митя еще старше, а обращается к нему по имени-отчеству. Непонятно.

Были еще и другие вопросы. Мясной павильон на Южном рынке достаточно большой – огромное множество продавцов, а в разделочном только один рабочий. И почему перед входом в цех стояли два охранника в униформе? Как будто это какой-то стратегический объект.

Слишком большой цех для одного мясника. Четыре холодильные установки для хранения мяса, несколько разделочных столов. Три холодильника в действии, а один с открытыми дверями, пустой. Дядя Митя должен устранить неисправность, запустить установку. Для этого его сюда и позвали. А Прохор вместе с ним.

Советский Союз со своим законом о тунеядстве давно канул в Лету, так что после армии можно не работать хоть три месяца, хоть до самой старости. Прохор устроился на работу сразу же. Дядя Митя предложил ему вариант, и он не стал отказываться. Тяжело ему сейчас, на душе такая лютая тоска, что спиться с горя можно. А работа будет держать его на плаву.

Правда, вчера он набрался порядком, еле до дома дошел. А сегодня с похмелья голова раскалывается. Впрочем, первую скрипку в их рабочем дуэте играет дядя Митя. Он будет чинить холодильник, а Прохор на подхвате. Его дело – смотреть, запоминать, учиться. А значит, если он вдруг вздремнет по-лошадиному, на ногах, ничего не случится.

Холодильник пустовал, внутри, что называется, мышь повесилась. Впрочем, дядя Митя внутрь заходить не стал. Он зашел за холодильник, осмотрел двигатель, навесное оборудование. В тесное пространство между холодильником и стеной втянулся и Прохор. А там ящик деревянный вверх дном, он к нему невольно и потянулся.

Дядя Митя осматривал двигатель, что-то тихонько говорил, Прохор кивал, будто слушая его, а сам потихоньку засыпал.

– Компрессор навернулся. – Дядя Митя сказал об этом так громко и уверенно, что Прохор сразу проснулся.

– А ты что, спишь? – возмущенно глянул тот на него.

– Да нет!

– На работе ты сам должен гореть, а не твои трубы... Ладно, давай компрессор снимать.

Прохор помог снять компрессор, разобрать его. И дядя Митя принял решение. Поломку на месте не устранить, значит, компрессор надо менять. С ним он и ушел, оставив Прохора у холодильника. На ходу добавил, что скоро вернется.

Прохор проводил его взглядом, прислонился спиной к стене, положил голову на плечо и тут же снова заснул.

Ему приснилась Лида. Он стоял на берегу пруда, а к нему плыл белый лебедь и прямо у него на глазах превращался в прекрасную девушку. Лида плыла к нему с обнаженной грудью, но с белыми крыльями вместо рук. И шея у нее была непропорционально длинной. А откуда-то с высоты ястребом пикировал на нее мясницкий топор, за которым, как парашют за десантником, летел поварской колпак, грозясь врезаться ей в шею. Прохор не растерялся, мгновенно рассчитал траекторию рубящего полета, бросился наперерез, но кто-то схватил его за руку, дернул на себя.

Он открыл глаза и увидел чью-то щекастую физиономию.

– Ты что здесь делаешь? – дыхнув на него мятой от жевательной резинки, спросил парень, в упор глядя на него.

– Так это...

Но щекастый не стал выслушивать никаких объяснений. Схватил Прохора за грудки и потянул на себя:

– Давай!

Треск рвущейся рубашки вывел Прохора из себя. Рубаха, может, и не новая, зато по размеру в самый раз. Да и не так уж много у него одежды, чтобы отдавать ее на растерзание всяким разным.

А парень все продолжал тянуть. Руки у него сильные, захват жесткий, но можно ответить ударом головой. Прохор так и сделал. Боднул уверенно, со всей силы. От боли громила разжал руки, от потрясения – упал, сев на «пятую точку». Но Прохор увидел еще нескольких таких же крупных и мощных парней, которые смотрели на него с тихой агрессией. Впереди группы стоял тот самый мясник.

И это было еще не все. Рядом с колодой, раскинув руки, без движения лежал человек. Рядом с ним валялась отрубленная голова. Эта картина казалась такой нереальной, что Прохор потряхнул головой, пытаясь проснуться. Мясник должен разделять свиные туши, но никак не рубить людям головы. Да и кто позволит ему творить такой беспредел?

Но кошмарный сон не отступил. Обезглавленное тело так и осталось лежать на кафельном полу, по которому струйкой текла густая свежая кровь.

Мясник повернулся к Прохору и нацелил на него свой окровавленный топор. А бугай в черной рубахе наставил на него самый настоящий пистолет.

– Ты кто такой? – спросил мясник.

Щекастый пришел в чувство, резко вскочил, схватил Прохора за ворот рубахи и, замахнувшись для удара, выкрикнул:

– Да за холодильником прятался!

– Я не прятался, – мотнул головой Прохор. – Я спал.

– Ты, кажется, с Митричем приходил, – вспомнил мясник.

– Ну, дядя Митя за компрессором ушел. Вернуться должен.

– Вернется, – кивнул мясник, – а тебя уже нет...

К Прохору подошел еще один бугай, схватил его за правую руку, а щекастый – за левую. Хватка железная как у одного, так и у другого. Прохор попытался вырваться, но кто-то схватил его и за ноги. Его поднесли к колоде, уложили на нее голову.

– Зачем?.. – спросил мясник. – Пацан ни в чем не виноват.

Прохора поставили на ноги.

– Так это, он же все видел, – сказал щекастый.

Прохор мотнул головой. Не видел он, как мясник отрубил человеку голову. Он вообще не знает, кто кого убил... А может, и не убивали здесь никого? Может, на полу лежит обезглавленный манекен... А если все-таки труп, он никому ничего не скажет.

– Не хочешь умирать? – спросил мясник, с сожалением глядя на него.

– Так я ничего не видел... Я просто спал... С бодуна...

– Не хочешь умирать... Я тебя понимаю... Но и ты нас пойми... – Мясник выразительно глянул на бугая в черной шелковой рубашке, и тот приставил к голове Прохора пистолет. – Если человек не виноват, его нужно просто пристрелить... – добавил мясник.

Внутри у Прохора все сжалось от страха.

Но в этот момент кто-то вдруг с силой ударил в дверь с внешней стороны, она распахнулась, и тут же послышались выстрелы. Это была самая настоящая очередь, и бугай с пистолетом первым поймал пулю. Прохор увидел, как из его правой глазницы брызнула темная жидкость. Сначала на пол упал пистолет, из которого должны были убить Прохора, а затем уже на полу оказался и несостоявшийся палач. Но еще раньше присел сам Прохор.

Он не воевал, не принимал участия в реальных боевых действиях, но их роту натаскивали на штурм городских зданий. Командование готовилось к новой чеченской войне, и для этого усиленно подготавливались штурмовые группы для городских боев. Прохора много чему научили, у него даже выработался рефлекс на обстрел. Открыли огонь – пригни голову, а потом уже все остальное.

Но в песок голову зарывать никак нельзя. Как бы ни было страшно, нужно оценить обстановку и принять решение. А обстановка – хуже некуда. В мясницкий цех ворвались трое – в масках, в бронеках и с автоматами. Стреляли по уму – быстро, но короткими очередями. И очень метко.

Бой – мероприятие коллективное, но сейчас Прохор так не считал. Плевать ему на уродов, которые собирались его убить. Сейчас он должен был думать только о себе.

А опасность ему угрожала нешуточная. Одна волчья стая набросилась на другую, и в этой мясорубке для нападавших не было ни своих, ни нейтральных. Все чужие, всех убивать. И жить Прохору оставалось максимум три секунды. Сейчас коренастый крепыш зачистит сектор справа и перенесет огонь на него. Если, конечно, Прохор не зачистит его самого. Прятаться бесполезно, все равно найдут и пристрелят. Да и некуда бежать.

Прохор не стал искать взглядом упавший пистолет, он просто провел рукой по полу в том месте, где должно было лежать оружие, и не ошибся, пальцы зацепились за металлический ствол.

Это был обычный «ТТ», и Прохор успевал выстрелить из него до того, как его совместят с мушкой и прорезью прицела. Успевал, если ствол уже приведен к бою. Возможно, бугай в шелковой рубашке просто блефовал, собираясь выстрелить в него. Может, его всего лишь хотели взять на испуг.

Обычно солдат натаскивают на стрельбу из автомата, но Прохора учили владеть и пистолетом. В тесноте штурмуемого здания это просто необходимо. А учили его с пристрастием. Да и сам он оказался способным учеником...

Прохор схватил пистолет, одной рукой навел его на цель, а другой взялся за затворную раму. Если патрона в стволе нет, он дошлет его в процессе. Но патрон был на месте. А с предохранителя пистолет снимался усиленным нажатием на спуск.

Раздался выстрел, и в горле у коренастого крепыша образовалась небольшая, быстро заполняющаяся кровью дырочка. А на Прохора наставил ствол верзила с дикими глазами. Еще бы чуть-чуть, и все. Но Прохор был быстрее на это самое чуть-чуть. Правда, выстрел получился не столь метким, как хотелось бы, пуля всего лишь пробила налетчику плечо. Но Прохор не останавливался. Вторая пуля пролетела мимо, зато третья и четвертая прошли бронежилет, скрывающий вражескую грудь. Не справился броник с пулей от «ТТ», бывает.

Третьего налетчика пристрелил кто-то из бандитов. Прохор определил место, откуда стреляли, и навел пистолет на цель. Чтобы выжить, он должен был убивать всех.

– Эй, ты чего?! – На него бешеными глазами смотрел щекастый. Тот самый, который меньше чем минуту назад укладывал голову Прохора на плаху. – Не видишь, свои!

В ушах у Прохора звенело от выстрелов, но слова он услышал. Слова, которые его расмешили.

– Свои?!

– А куда ты от нас теперь денешься? – спросил мясник.

Прохор держал на прицеле щекастого, поэтому не стал оборачиваться на знакомый голос.

– Просто уйду.

– Теперь ты с нами... Пушкарь, бери пацана, Пухлого надо убрать...

– А как же вы, Петр Афанасьевич?

– Да как-нибудь... Давай, давай!

– Давай, давай!.. – повторил щекастый, обращаясь к Прохору. – Пока «мусора» не подъехали!

Прохор кивнул. С одной стороны, ему повезло и он смог защитить самого себя. Но с другой – он совершил убийство, причем двойное. И за это его могут упечь за решетку лет на двадцать. Значит, нужно уходить. И чем быстрее, тем лучше.

– Давай, за ноги его бери! – показал ему на обезглавленный труп щекастый Пушкарь.

Прохор окинул взглядом цех. Мясник сидел на полу, одной рукой он держался за разделочный стол, а другой – за простреленный живот, из-под пальцев у него сочилась кровь.

Один бандит пытался подняться с пола, у этого был прострелен бок. Другой тихонько стонал, руками обхватив окровавленную голову. Третий держался за простреленную ногу и свободной рукой выковыривал из своего кармана мобильный телефон... Были еще и другие, но никто из них уже не подавал признаков жизни. Автоматные очереди собрали богатую жатву.

Наверняка главной целью был мясник, этот вожак волчьей стаи, но у него еще оставался шанс. Если рана не смертельная, когда-нибудь он встанет на ноги.

– Ну, чего встал! Давай! – Пушкарь уже держал обезглавленного покойника за руки.

Пожав плечами, Прохор сунул пистолет за пояс и взял труп за ноги.

– Если ты с нами, то ничего не бойся, – глухо проговорил мясник.

Совсем ему худо, может, и не выкарабкается. Но Прохору-то какая до этого печаль. Не собирался он становиться своим для этого упыря.

В цех можно было попасть со стороны торгового зала, оттуда и пожаловали налетчики. Был еще другой выход, через него вынесли обезглавленного Пухлого.

В узком пространстве между забором и мясным павильоном стояло несколько джипов. Пушкарь открыл в одном из них багажник, который и поглотил мертвое тело.

– Погнали! – Он открыл дверцу, сел за руль.

Но Прохор остался стоять.

– Так, давай, потом виноватых искать будем! – скривился Пушкарь.

Только сейчас Прохор заметил у него над переносицей след от собственного удара. Хорошо он въехал ему головой. Неудивительно, что Пушкарь захотел приземлить его на плаху. Но сейчас другое дело. Прохор не просто помог отбить нападение, он фактически решил исход дела.

Теперь неплохо бы разобраться, кто на кого наехал. И перед этой силой держать ответ за свое геройство. Кому-то же он перешел дорогу, застрелив двух бандитов. Может, тому же Корольку, у которого, возможно, счета с мясником и его бандой... А узнать обо всем этом можно только через Пушкаря.

– Давай потом, – кивнул Прохор.

И занял переднее пассажирское кресло. Пушкарь завел двигатель и врубил кондиционер – сейчас здесь станет еще и прохладно. Все хорошо, если не считать, что в багажнике покойник без головы, а за поясом – ствол, на котором кровь как минимум двух человек.

Ворота были закрыты, но из сторожки вышел охранник в униформе. Он смотрел на машину, но ворота открывать не торопился.

Пушкарь высунул из окна руку с пистолетом:

– Открывай, пока не пристрелил!

Охранник закивал и быстро открыл ворота. Машина пулей выскочила на дорогу, которая вела на главную городскую улицу.

– А как еще с ним быть? – рыкнул Пушкарь. – Мышей не ловят! Торпеду прошляпили! Козлы!

– Осторожно!

С Ленинского проспекта сворачивал милицейский «уазик», и Пушкарь едва не врезался в него. Он чудом увернулся от столкновения и отсалютовал ментам, приложив два пальца ко лбу.

– Явились, не запылились!

– Как бы за нами не пошли, – качнул головой Прохор.

Менты запросто могли развернуть свою «канарейку» и погнать за ними. Вот будет жесть, если такое случится.

– Да нет, это прикормленные... Эти меня знают...

– А те, которые стреляли?

– И те знают...

– Знали.

– Ну, этих-то завалили, а другие остались.

– Кто?

– Меньше будешь знать, крепче будешь спать.

– Так я же теперь с вами, – усмехнулся Прохор.

Но Пушкарь воспринял его слова всерьез.

– Ну да, с нами... Михеевские наехали, больше некому.

– Михеевские... Что-то знакомое...

Прохор никогда не бредил улично-блатной романтикой, а потому не интересовался криминальными раскладами родного города. Он просто жил, учился, занимался спортом. Но волки грызутся, собаки лают, а ветер носит. Доходили до него слухи о Кульбите, Михее, Вагнере, банды которых в свое время делили город на сферы влияния. Кульбита убили, его территорию поделили между собой Михей и Вагнер. Но это было еще до того, как Прохора забрали в армию. Да и как было? На уровне слухов. Кто такой Михей, с чем его едят? Кто такой Вагнер? Все это было для Прохора тайной в запечатанном конверте, который вовсе не хотелось вскрывать. Он бы и не вникал, если бы вдруг не попал в переплет.

– Знакомое... – скривился Пушкарь. – Это, братан, не просто знакомство, это любовь. В лоб! Из волюны! Колян у башку прострелили! С любовью, в лоб их!

– Колян?! Который меня пристрелить собирался?

– И пристрелил бы... Колян одно время помощником машиниста работал... – Пушкарь замолчал и, в раздумье поскребывая щеку, решил не продолжать.

Так молча доехали до выезда из города. Пушкарь вынул из кармана мобильник, набрал один номер, затем другой.

– Климыч, ты?.. Живой?.. Уже?.. Ну, хорошо... Что?! Ля, ты же видел, какая там жопа была!.. А голова осталась?.. Какая голова?! У Пухлого всегда жопа вместо головы была... С меня причитается... Ну, все!.. – Он мотнул головой, возвращая мобильник на место, и хмыкнул: – Жопу забыли забрать.

– В смысле, голову?

Прохор уже понял, что произошло. Тело казненного они забрали, а голову оставили. А менты уже на месте. И у них наверняка возникли острые вопросы по этому поводу. Если, конечно, голову не убрали. Об этом, похоже, позаботился какой-то Климыч. Прохор представил, как отрубленную голову взяли за волосы или даже за уши, как куда-то понесли, и тошнотный ком подкатил к самому горлу. И надо же было ему вляпаться в это дерьмо! Мало того, он в нем по самые уши!

– Если бы Пухлый думал головой, он бы так не «накосячил», – скривился Пушкарь.

– Как так?

– Да так...

– Он что, денег вам задолжал?

Прохор подумал об отце Лиды, который попал на деньги. Бандиты могли казнить его так же, как и какого-то Пухлого. Но Игоря Семеновича спас Егор...

– Он не задолжал... Он «скрысятничал»... Руки на «общаке» нагрел... В Турции за такие дела руку отрубают. А у Афоныча за такие дела – башка с плеч.

Прохор понял, о ком идет речь. Петр Афанасьевич, он же Афоныч. Видно, не приклеилась к этому садисту кличка «Мясник». Или его только за глаза так называют.

– Да, он это дело любит.

– Что любит? – не понял Пушкарь.

– Мясо рубить.

– Так Афоныч раньше по этой части работал...

– Не может без этого, да?

– Ты бы на Афоныча не гнал. За такие прогоны без башки можно остаться, – косо глянул на Прохора Пушкарь.

– Да у вас и за меньшее могут зарубить.

– За меньшее... Ты башку мне чуть не проломил...

– А за грудки зачем хватал?

– А смотрю, черт какой-то сидит...

– Спал я, никого не трогал...

– Не трогал... Коляныч у нас машинистом когда-то был. Поезда водил. И людей по рельсам размазывал. Едет себе, никого не трогает, а тут раз, и выскочила шкура. По тормозам уже поздно, бац, и поскакала башка по шпалам... Кто-то сам под поезд бросается. А кто-то просто заснул на рельсах...

– Это ты к чему?

– А к тому, что ты, братан, на рельсах заснул. И под поезд попал. А Коляныч тормозить не умеет. Если бы не михеевские, пораскинул бы ты, пацан, мозгами на все четыре стороны...

– Еще не поздно. Вам сейчас от жмура нужно избавиться. Поэтому я вам еще нужен... А что потом?

– Тебе же Афоныч ясно сказал, что ты теперь с нами. Значит, бояться нечего. Если сказал, значит, железно...

– А я хочу быть с вами?

– А куда тебе деваться? Думаешь, Михей не узнает, кто его пацанов положил? Это менты могут сопли лаптем хлебать, а Михей всегда в курсе.

– А у меня был выбор?

– Был. Или сдохнуть с пульей в башке, или стрелять. Ты должен был выбрать первый вариант. Ну, это если по Михею. А по мне, так ты все правильно сделал. Где так стрелять научился?

– В армии.

– Нам такие пацаны нужны. А Михею нет. Он тебя за пацанов спросит. Ну, если ты сам по себе останешься... Он с одной стороны, мы с другой. Ты из такого переплета живым не выберешься.

– Хочешь сказать, что вы меня не отпустите?

– Только ногами вперед.

– Как говорил один мой хороший знакомый, он очень много знал, – скривился Прохор.

– Теперь я твой очень хороший знакомый. Теперь ты должен слушать то, что я тебе говорю.

– А мне это нужно?

– Я тебе про ментов говорил? Или ты сам знаешь, по какой статье тебя могут принять?

В ответ Прохор беззвучно вздохнул. Тройной переплет – это жест. Хочешь, не хочешь, а нужно втискиваться в прокрустово ложе, а не то Афоныч и ноги обрубят, и голову.

– Лучше с нами, чем с червями в земле, – усмехнулся Пушкарь.

– Я даже не знаю, кто вы такие.

– Ну, кто такой Афоныч, ты должен знать.

– Не знаю, – качнул головой Прохор.

– И Михея не знаешь? – Пушкарь глянул на него, как на недоразвитого.

– Слышал.

– Что ты слышал?

– Ну, с Шанхая там началось. Сначала он Шанхай под себя взял, а потом и весь юго-западный район. А Вагнер вроде как северо-восток держит, – пожал плечами Прохор.

– Вроде бы... – передразнил его Пушкарь. – Афоныч вместе с Михеем начинал... Э-э, не так. Это Михей с ним в девяностом начинал... Афоныч людей подпряг, с ворами договорился... Он мужик авторитетный, за ним уже тогда одна ходка была. Он много кого знает... А сейчас за ним уже две ходки. А почему? Потому что Михей его подставил. Афоныч в девяносто втором зачалился, а Михей без него развернулся. Афоныч откинулся, а он делиться с ним не захотел... Афоныч сам свое взял, Южный рынок у него отжал... Ты помнишь, каким наш рынок раньше был?

Прохор кивнул. Он еще в армию уходил, о Южном рынке мало кто слышал, а сейчас, говорят, чуть ли полгорода на нем отоваривается. Там и продуктовые павильоны, и вещевые.

– Это все Афоныч. На дефолте поднялся. Старые цены удержал. Все к нам, на Южный рынок, ломанулись... Сейчас цены реальные, а народ с нами остался. На том и живем...

– А Михею это не нравится.

– Ему много чего не нравится. Мы для него как кость в горле...

– Видел я, как он эту кость вытаскивал.

– Ничего, Афоныча в больницу забрали. Оклемается. Хрен чего Михею обломится. – Пушкарь говорил напористо, но ему явно не хватало уверенности.

Может, Михей и не смог достичь свой цели, но, как ни крути, а мясник Афоныч уже находится на пути в больницу. А скольких его бойцов положили. Кто не убит, тот ранен. Один только Пушкарь вышел из переделки без единой царапины. Поэтому ему и было поручено замести следы преступления. А пока он будет этим заниматься, пройдет время, которое работает скорее на Михея, чем на его врага. Время, в течение которого с бандой Афоныча может быть покончено. И как тогда быть Пушкарю? Куда податься? И сомнения парня мучили, и тревоги. Нелегко ему сейчас. Вряд ли он будет избавляться от своего спутника, который умеет стрелять и убивать.

Только вот Прохору совсем не хотелось оставаться с ним. Но и обратного хода на волю больше нет. Логика проста. Какой с него спрос, если он часть единого целого? Если он человек Афоныча, то Михею придется спрашивать за своих людей со всей вражеской банды, а не лично с Прохора. А вот если он останется сам по себе, Михей устроит ему самую настоящую вендетту.

И еще был момент, который склонял чашу весов в пользу жестокого выбора. Королек тоже когда-то был бандитом, на этом он и поднялся. Сейчас у него есть все, в том числе и Лида. И Прохор сможет подняться, если не будет дураком. Тогда он тоже станет завидным женихом. Возможно, Лида захочет к нему вернуться.

Прохор был в парке, приходил туда, чтобы разобраться с Корольком, но этот козел к нему так и не вышел. А на днях он искал встречи с Лидой. Толку ноль. Вроде как на моря уехала, вроде как с женихом. Но так ли это на самом деле? Родители могли и соврать... Елена Владиславовна и раньше не очень-то жаловала Прохора, а сейчас она откровенно радовалась его неудаче. Королек для нее куда более желанный зять...

Машину вдруг резко повело в одну сторону, и тут же бросило в обратную. Прохор встре-пенулся, глянул на Пушкаря, но тот лишь усмехнулся:

- Ты это, из процесса не выпадай.
- Из какого процесса?
- Вот я и говорю, что ты из ситуации выпал. Потому что задумался...
- Да нормально все.
- Ну, и о чем я тебе сейчас говорил?
- Ну, хрен чего Михею обломится.
- А еще?
- Ну...
- Сколько у нас пацанов еще осталось?
- А ты говорил?
- Шляпа!

Машина шла по узкой асфальтированной дороге, и слева лес, и справа. Прохор не мог вспомнить, когда они свернули с шоссе. Но его можно понять. Жизнь загнала его в тупик, как тут не ломать голову в поисках выхода?

- Куда мы едем?
- Окоп копать.
- На два метра вниз?
- Можно и на два. Можно и на три... Чем дальше в лес, тем глубже яма... Э-э, как раз наоборот... Соображаешь?
- А лопата есть?
- Какая лопата, если мы даже голову забыли? – ухмыльнулся Пушкарь.
- А как же без лопаты?
- Руками.
- Руками можно голову закопать. С телом посложней будет... Может, попросить у кого-нибудь? – спросил Прохор, увидев дачные домики за сплошным деревянным забором.
- Можно и попросить, – кивнул Пушкарь. – Но лучше украсть. Чтобы лишних вопросов не возникало. Через заборы умеешь лазить?
- А почему я?
- Потому что молодой.
- Не знаю.
- Я знаю. Ты молодой, я старший. Что скажу, то и будешь делать.

Прохор уныло кивнул. Не хотел он соглашаться с бандитом, который был старше его на пару-тройку лет. Но и спорить с ним глупо: все равно ведь ничего не докажешь.

Глава 3

Справа полутораэтажный дом за шиферным забором, слева пистолет с пулей, готовой к старту. Одно неосторожное движение, и грянет выстрел. Пушкарь точно знал, что с легкостью нажмет на спусковой крючок, поэтому с ним лучше не шутить.

– Под ноги ствол положи, – спокойным тоном, но с напряжением в голосе потребовал он.

Прохор кивнул, вынул из-за пояса пистолет, положил его на пол под сиденье.

Машина широкая, салон в ней просторный, поэтому и расстояние между водителем и пассажиром не самое близкое. И еще переборка между передними креслами высокая – там и коробка передач, и вещевой ящик. Одним словом, не было у Прохора возможности в молниеносном броске сблизиться с противником и выбить из руки пистолет. Вернее, возможность была, но шансов мало.

– И что дальше? – стараясь держать себя в руках, спросил он.

– Ничего. Лезешь через забор, забираешь лопату и возвращаешься.

– А ствол?

– Если не вернешься, ствол с твоими пальчиками уйдет к ментам. Двух твоих жмуров на тебя повесят. А в довесок третьего, моего.

– А если вернусь?

– Ты должен вернуться, брат. Другого пути у тебя нет.

Прохор кивнул, вышел из машины. Осмотрелся, прислушался. От дороги через лес к садовому товариществу вела тропинка. Была еще дорога, к воротам, но Пушкарь нарочно проехал мимо, чтобы не привлекать внимания.

Тихо вокруг. Двигатель работает, а все равно тихо. Кузнечики стрекочут, пичуги заливаются, а все равно тишина. Это где-то там, в городе бушуют страсти, а здесь хорошо, спокойно. Забыть бы обо всем, вернуться к своей даче. Утром на рыбалку, днем спать, после обеда – огород, все такое... Хотелось бы вернуться к безмятежной жизни, но как?

Прохор перепрыгнул через канаву, по тропинке подошел к забору. Шифер вроде бы крепкий – не должен сломаться под тяжестью тела. Но вдруг опорные столбы не выдержат или листы отваливаться начнут?

Еще его смущал колючий кустарник вдоль забора. Длинные вязкие стебли цеплялись за руки, за ноги, а если свалиться в него, можно оцарапать лицо. Но разве штурмовой десантник может спастись перед такими пустяками?

Он приноровился, зацепился за верхний срез забора, подтянулся и заглянул во двор. Дом небольшой, полутораэтажный, из силикатного кирпича, с виноградной террасой над крыльцом. Ухоженный огородик, деревянный сарайчик, летний душ с железным баком вместо крыши, кирпичный туалет, к которому вела бетонная дорожка. Вдоль забора малинник, вот куда бы не хотелось угодить. Зато собаки нигде не видно.

Прохор перебросил тело и прыгнул в узкое пространство между забором и малинником. Присел, затаился, прислушался. Открылась дверь, из дома кто-то вышел. Он увидел симпатичную девушку в пестром ситцевом халате. На плече у нее висело полотенце. Она шла, что-то напевая себе под нос, и на ходу распускала волосы.

Девушка скрылась в летнем душе. Прохор даже смог услышать, как изнутри клацнула защелка. Сейчас она разденется, встанет под льющуюся воду, но Прохора сейчас больше устроил бы вид штыковой лопаты, нежели обнаженного девичьего тела. Поэтому он направился к сарайчику.

Дверь была закрыта, но не заперта. Он осторожно открыл ее, заглянул внутрь. В сумраке, пронизанном тонкими солнечными лучами, тускло блеснул отшлифованный трудовыми мозолями черенок лопаты.

Прохор взял лопату и пошел обратно. В душе лилась вода, во весь голос пела девушка. А со стороны дома – никаких признаков жизни.

Но напрасно Прохор не принял в расчет девушку. Вода продолжала литься, когда открылась дверь.

– Стоять!

Голос у нее низковатый, но звучный. И летящий, как стрела. Прохор замер, словно ему нож в спину всадили.

– Куда лопату понес?

Он повернулся и увидел девушку. Она стояла в полный рост и завязывала в узелок концы полотенца, которым обернула свое мокрое тело.

– Я верну.

– Ага! – хмыкнула девушка.

– Через забор переброшу.

– Ну, ты и фрукт!

На личико она была вроде бы симпатичной. Яркие глазки, маленький, вздернутый кверху носик, пухлые губки. А телу не хватало стройности. А еще больше – женского изящества, в котором преуспела Лида. Короткая шея, широкие плечи, руки крепкие, ноги развитые, но в таком же укороченном варианте, как и шея.

Крепенькая на вид девушка. Но Прохор выглядел внушительно. И рост у него под метр девяносто, и в плечах по-настоящему мужской размах. Курносая должна была его бояться. Но нет, страха в глазах не было. И кокетства тоже. Хотя смотрела она на Прохора с женским интересом.

– Да фруктовое дерево посадить надо.

– Посадить дерево и родить ребенка?

Прохор ощущал себя полным идиотом, и у него не было никакого желания точить ляды.

– Я верну! – повторил он и рванул к забору.

– Эй, куда ты?

Прохор отвечать не стал. Стремительным броском через огород преодолел открытое пространство, с ходу перебросил лопату через забор, перескочил через него сам. И был таков.

Пушкарь стоял возле машины и курил, посматривая по сторонам. Заметив Прохора, бросил сигарету, открыл багажник. И сморщил нос, глядя на труп.

Покойника не упаковывали, поэтому кровью залило все дно багажника. Да и сам вид обезглавленного тела рвал нервы. Прохор спешно положил лопату и занял свое место в салоне.

– Все нормально? – спросил Пушкарь, усаживаясь за руль.

– Нормально. А где ствол? – Прохор глянул себе под ноги, затем сунул руку под свое сиденье, но пистолета не нашел.

– Я его выбросил.

– Зачем?

– А чтобы тебя с поличным не взяли. О тебе, пацан, забочусь. Ты должен ценить, – тронув машину с места, с затаенной усмешкой сказал Пушкарь.

С хорошей лесной дороги они свернули на гиблый зимник с ужасной колеей, но джип достаточно легко шел по ухабам, пока не выехал на маленькую светлую полянку в самой гуще леса. Пушкарь остановил машину, вышел из нее, потянулся навстречу солнцу:

– Красота какая!

– Кому как!

– А что не так? Место спокойное. Не хуже, чем на кладбище. Даже лучше. Соседи донимать не будут.

– Не смешно, – открывая багажник, буркнул Прохор.

– Конечно, не смешно. Мне лично плакать хочется. Тело здесь закопаем, а башку на свалку выбросят.

Прохор взял лопату, выбрал место под молодой осиной, вогнал штык в землю.

– Дерн сначала сними.

– Да знаю.

– В каких войсках служил?

– ДШБ.

– Я тоже. Мотострелковый батальон парашютно-десантного полка. Кто-то там обещал взять Грозный силами одного парашютно-десантного полка, вот мы и брали. В декабре девяносто четвертого, – криво усмехнулся Пушкарь. – Как слепых котят в самый центр пихнули. Кошка бросила котят... Мне-то повезло, я из этого стишка живым выбрался... А ты воевал?

– Не успел.

– Тогда тебе не понять... Ну, чего смотришь, давай, рой! Яму для ближнего.

Прохор кивнул, снова вонзил в землю штык, наметил контур, стал снимать дерн. А Пушкарь принял позу махрового дембеля в кругу желторотых салаг, сел на пенек, закурил.

– Думаешь, почему я к Афонычу подался – барыг дербанить? А где эти барыги были, когда нас в Грозном расстреливали? Жирок нагуливали. С нас шкуру снимали, а они жировали... Почему я должен за них переживать?

– Ну, кто-то же из них тоже служил. И воевал.

– Кто-то. Но не все.

– А три шкуры со всех дерешь.

– Вот только мораль разводить не надо, – скривился Пушкарь.

– Это не я начал...

– Копай давай!

Земля сначала была легкой, с песком, затем пошел сплошной суглинок, но Прохор не унывал. Он опустил вниз на целый метр, потом выбрался из ямы и воткнул штык в землю со словами:

– Твоя очередь.

– Кто сказал? – возмущенно глянул на него Пушкарь.

– Твоя очередь сказала.

Прохор устало опустил на пенек, вынул из кармана пачку «Примы», выбил из нее сигарету. Закурил и Пушкарь. Он не торопился браться за лопату, но и Прохор не собирался работать за него. А время шло.

В конце концов Пушкарь понял, что Прохора не пробьешь, и взялся за работу. Но хватило его ненадолго. Он углубил яму всего на полметра, и на этом его терпение иссякло.

– Все, хватит. И так сойдет.

Прохор пожал плечами. Ему все равно, на какую глубину ляжет убитый кем-то человек. Не ему отвечать, если тело вдруг случайно найдут.

Они вытащили покойника из машины, поднесли к яме. Но сбросить не успели.

– Стоять! Руки вверх! – звонко выстрелил знакомый девичий голос.

Прохор обернулся на голос и увидел курносую. Спортивный костюм на ней, на ногах резиновые сапоги, на голове бейсболка. А в руках она держала самый настоящий обрез «берданки».

Мертвое тело глухо шлепнулось на землю. Пушкарь оторопело уставился на курносую:

– Эй, что за шутки?

– Это шутки? – Девушка на мгновение нацелила ствол на мертвое тело. – Почему он без головы?

– Потому что всадник.

– Какой еще всадник?

– Всадник без головы... Мы его в морге взяли. Для спектакля.

– Для какого еще спектакля?

– По книге «Всадник без головы». Читала? – Пушкарь заговаривал зубы, неторопливо приближаясь к девушке.

– Нет... Кино смотрела, – в замешательстве проговорила она.

– Вот и у нас кино...

– Никакое это не кино! Стой, пока не пристрелила! – Девушка вовремя сообразила, что Пушкарь водит ее за нос, и сама сделала шаг к нему, надавив при этом на спуск обреза.

Пушкарь застыл как вкопанный, даже сошел с лица от страха. Прохор и сам поверил, что курносая сейчас выстрелит.

– Кто вы такие?

– А ты не видишь? Друга искали! – кивком показал на труп Пушкарь. – Он голову от любви потерял.

– Что ты меня все время лечишь? – нахмурилась курносая.

– Он в самом деле голову потерял... От любви...

– Так бывает только в переносном смысле.

– Лешка влюбился в жену крутого бандита. И переспал с ней. А бандит ему за это голову отрубил... Даже не знаю, куда голову перенесли.

– Влюбился в жену крутого бандита?

– А что здесь такого? Ты, случайно, не жена крутого бандита? – Пушкарь взбодрился, медленно и осторожно шагнул к девушке.

– Нет.

– Жаль. А то бы я в тебя влюбился...

– Не надо в меня влюбляться.

– Почему не надо? Ты очень красивая... Как зовут?

– Инна.

– Да? У меня у друга жену Вaley зовут. Так он, когда выпьет, Инной ее называет. А знаешь почему?

– И знать не хочу! Стой, кому говорю!

– Васька у нас, когда напьется, двух слов связать не может. Инна!.. Жена ему, да не Инна я... А он ей – ин на хрен!..

– Что? – не поняла девушка.

В этот момент Пушкарь пришел в движение и молниеносно ударил рукой по стволу обреза. Инна нажала на спуск, но послышался только холостой щелчок.

– Иди на хрен, говорю! – заорал на нее Пушкарь.

И снова ударил – на этот раз рукой по лицу. Наотмашь, внешней стороной ладони по щеке. Инну швырнуло в сторону, она попыталась удержаться на ногах, но все же опустилась на землю.

Обрез тоже упал, и Пушкарь его тут же подобрал. Отвел затвор, заглянул внутрь. Патрона там не было, это увидел и Прохор, который подошел к нему.

– Ты откуда такая взялась? – спросил Пушкарь. Он отбросил обрез в сторону, вынул из-за пояса пистолет.

– За своей лопатой пришла, – сказал Прохор.

Инна не спешила подниматься с земли. Сидела, встревоженно смотрела на них и потирала щеку.

– За лопатой?! Она что, видела, как ты у нее лопату увел?

Прохор кивнул.

– А как же мы ей лопату отдадим? Как мы ее закапывать без лопаты будем? – Пушкарь наставил ствол на девушку.

– Зачем закапывать? – Прохор отвел его руку с пистолетом в сторону.

– А что там говорил твой очень хороший знакомый? – Пушкарь сделал шаг в сторону и снова наставил на Инну пистолет.

– Труп в другом месте закопаем. Никто ничего не докажет. – И снова Прохор взял его за правую руку.

– Может, и не докажут. Но проблемы будут.

Пушкарь вырвал руку, но Прохор встал между ним и напуганной девушкой.

– Не убивайте меня, пожалуйста, – дрожащим голосом попросила она.

– Ствол убери!

Прохор пронзительно смотрел на Пушкаря. Ствол пистолета едва не касался его груди. Он мог ударить по нему, обезоружить бандита. Или получить пулю в сердце. Одно из двух. Но Пушкарь предпочел третий вариант.

– Копать будешь ты, – произнес он, опуская руку.

– А я никому ничего не скажу, – подала голос Инна.

– Как ты нас выследила? – спросил Прохор, глянув на нее, как на досадную помеху.

– Я не следила... Просто видела, куда вы свернули...

– Дура!

– Мы тебя сейчас свяжем, – с озадаченным видом проговорил Пушкарь. – И здесь оставим... А потом вернемся... – Он с сомнением глянул на Прохора и, добавив: – Может быть, – покосился на свою руку, в которой держал пистолет.

Прохор понял, о чем он подумал. Действительно, почему бы не убить сразу двух зайцев. Как ни крути, а Прохор такой же опасный свидетель, как и сама Инна.

– Я правда никому ничего не скажу, – тихонько пискнула девушка.

– Никому ничего? – холодно переспросил Пушкарь.

– Честное слово! – Инна приложила к груди обе руки.

В этот момент у него в чехле на поясе зазвонил мобильник. Вынимая трубку, он отошел чуть в сторонку.

– Да...

Это было все, что сказал Пушкарь. Все остальное время он слушал и хмуро кивал. Наконец вернул трубку на место и подошел к Инне, которая уже поднялась на ноги.

– А кому ты можешь нас сдать? – спросил он.

– Никому! – глянув на пистолет в его руке, мотнула она головой.

– С кем ты там на даче?

– Ни с кем.

– Одна?

– Одна.

– А предки?

– Ну, родители сейчас далеко... В Магадане.

– Сидят?

– Работают!

– Когда будут?

– Ну, в сентябре обещали.

– Когда ты в школу пойдешь?

– Какая школа?! Я в институте учусь! На третий курс уже перешла.

– Еще не перешла. Я тебя еще не перевел. Будешь умницей, переведу, пойдешь на третий курс. А нет, здесь останешься...

– Я никому ничего не скажу!

– А на постой наспустишь?

– На постой?

– На два-три дня. Нам с Прохором на природе пожить надо.

– Ну, живите, конечно.

– Тогда мы связывать тебя не будем... – в раздумье проговорил Пушкарь. – Дома нас будешь ждать... А домой я тебя отвезу...

Он кивком показал на машину, и девушка послушно направилась к ней. Пушкарь помог ей сесть и вернулся к Прохору.

– Эту яму закопай. Новую выроешь. Где-нибудь подальше. Сам напросился. И поглубже закопай. Чтобы никаких следов. А обратно пешком. У Инны пару дней перекантуемся.

– Мне домой надо.

– Ты сегодня новую прописку получил. Твой дом – тюрьма, – хмыкнул Пушкарь, – не забывай об этом.

– Мне позвонить надо.

– Позвонишь... – Пушкарь вынул из чехла мобильник. – Скажешь, что у тебя все в порядке. А где ты сейчас – молчок. И еще. Ствол твой у меня. Если вдруг слиняешь, он у ментов окажется. Пусть они тебя ищут. А мы уже с тобой потом, когда тебя примут, разберемся.

– Не надо меня пугать, – скривил губы Прохор.

– И о девочке подумай. Если ты слиняешь, я с ней церемониться не стану. – Пушкарь провел пальцами по горлу.

– Уговорил.

Прохор позвонил матери, сказал, что встретил армейского друга и пару дней его не будет. А когда Пушкарь уехал, взялся за дело.

Он не стал рыть новую яму, всего лишь углубил старую. И похоронил тело на двух с половиной метрах. Труп закапывал, тщательно трамбуя землю, чтобы она не осела. Остатки земли ссыпал в заросли кустарника, вернул снятый дерн на место, тщательно его уложил. И побрел к дачному поселку. А что ему еще оставалось делать? Пушкарь такой, что действительно мог убить девчонку. И если это случится, ее смерть будет на совести Прохора.

Глава 4

Джип стоял во дворе, впитык к дому. Прохор едва втиснулся в узкое пространство между машиной и стеной, чтобы пройти к крыльцу, на котором стоял Пушкарь. Одной рукой этот тип почесывал живот, а в другой подносил ко рту жареный пирожок.

Калитку открывала Инна, она и вела Прохора в дом. Пушкарь нехотя посторонился, пропуская их.

Дом небольшой, но прихожая не показалась Прохору тесной, и каминный зал немаленький. Камин большой, выложен из крупных камней. На стене – оленья голова, на полу – медвежья шкура.

– Отец из геологической экспедиции привез, – уныло сказала Инна, косо глянув на Пушкаря, который встал в дверях.

– Дочке рога привез, в приданое... – сказал он. – Для мужа.

– Очень смешно, – буркнул Прохор.

– Вместе можете посмеяться. А я пока съезжу кое-куда. Ненадолго... Ворота открой!

– Я открою! – засуетилась Инна.

Она открыла ворота, Пушкарь выехал со двора, рванул вдоль по улице. Прохор помог ей закрыть ворота и сказал:

– Я лопату вернул.

– Я видела, – кивнула она, глянув на лопату, которая стояла у калитки с внутренней ее стороны.

Еще Прохор принес ее обрез, но о нем говорить не стал.

– И Пушкарю сказал, что тебя в обиду не дам.

– И что?

– Значит, сдержу слово.

– Ну да.

– Тебе нечего бояться.

– Ага!

– Зачем ты поперлась за мной?

– Ну, интересно стало...

– Любопытной Варваре нос оторвали. Вместе с головой.

– Варвару видела, а голову – нет.

– А я и голову видел... Меня тоже могли за это убить.

– Тебя?

– Я, в отличие от тебя, ни за кем не подсматривал, – угрюмо усмехнулся Прохор. – Просто оказался не в то время не в том месте... Сначала бандиты хотели меня убить, а потом взяли к себе.

– Зачем?

– Им нужна была моя помощь.

– Хочешь сказать, что ты отбываешь трудовую повинность? – с усмешкой спросила Инна.

– Не веришь. Понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Ты можешь пойти к участковому и сдать нас.

– Да? А потом меня изнасилуют. И сожгут в этом доме.

– Не исключено.

– И родителям достанется.

– Может быть.

– Ты такой же, как и этот! – Инна кивнула в сторону ворот.

– Ты сама пошла за мной. Сама нарвалась. Но в обиду я тебя не дам.

– Да, я видела... Он бы меня убил, если бы не ты, – кивнула Инна.

– А ты здесь одна, значит, живешь?

– Чай будешь? – спохватилась она.

– Не откажусь.

В доме была кухня – крохотная, не развернуться, поэтому чай Инна подала в каминный зал. И чай, и давно уже остывшие пирожки с капустой.

– Сама пекла?

– Утром.

– Вернуть бы это утро, – мрачно усмехнулся Прохор.

Поверни время вспять, он бы не пошел сегодня на рынок с дядей Митей. И не попал бы впросак. Сидеть бы сейчас дома, бить баклуши. А еще лучше, на дачу отправиться...

А если бы еще на два года назад вернуться, он бы «откосил» от армии. И занялся бы бизнесом. Может, и разбогател бы за два года. Под одной крышей с Лидой. Не ушла бы она от него, если бы он остался дома. А что сейчас? На мели Прохор, ни копы за душой.

– Еще чаю? – спросила Инна, когда его кружка опустела.

– Лучше водки.

– Самогон есть, – сказала она, настороженно глянув на него.

– Обойдусь, – мотнул он головой и неожиданно добавил: – Если что, держись за меня.

Мы с тобой в одной лодке.

– И куда мы плывем? – с интересом посмотрела на него Инна.

– Плавает знаешь что?.. Вот и мы с тобой плывем... В проруби...

– Лучше с тобой, чем с твоим Пушкарем.

– Не знаю...

Прохор закрыл глаза и не заметил, как задремал.

– Подъем! – разбудил его громкий голос Пушкаря.

Прохор открыл глаза и уставился на него. Инны рядом с ним не было. Что, если сбежала?

Пушкарь с грохотом поставил на стол две бутылки водки.

– Боевое крещение твоё обмывать будем... Ин-на, стаканы давай!

В комнату вошла Инна со стаканами в руках, поставила их на стол и как-то умоляюще посмотрела на Прохора. Она боялась Пушкаря и не хотела становиться его жертвой. А остановить произвол мог только Прохор.

– А почему два? Себе тоже давай!

– Я не хочу.

– Ин-на, не зли меня!

Инна кивнула, ушла. Пушкарь откупорил бутылку, наполнил стаканы.

– Давай! – Он выпил, не чокаясь.

И Прохор повторил за ним, осушив свой стакан до дна. А чуть позже появилась Инна. Она принесла и стакан, и закуску – нарезанную кружками копченую колбасу.

– Сервелат у них тут не фонтан, – сказал Пушкарь, взяв один кружок. – И сыр какой-то странный... Ин-на, где сыр?

– Сейчас.

Инна снова ушла, а Пушкарь, сунув колбасу в рот, снова наполнил стаканы.

– Она не Ин-на. Не называй ее так, – сказал Прохор.

Но Пушкарь пропустил его слова мимо ушей и, кивком показав на окно, спросил:

– Ты хоть понял, что я без машины?

– Почему?

– В лесу оставил... Если вдруг что, сигаем через забор. И наутек. Прыгаем в машину, и тью-тью.

– И кого мы боимся?

– Ну, вдруг менты нагрянут, – пожал плечами Пушкарь.

– А еще?

– Остальные нас должны бояться.

– Это ты про Михея?

– Он должен нас бояться. – Пушкарь пристально посмотрел на него. – Или нет?

– Зачем ему нас бояться?

– А затем, что тебя убить хотел. И меня...

– Ну, обо мне-то он не думал.

– Сейчас думает... Он знает, кто его пацанов положил. И думает о тебе. Надо, чтобы не думал.

– И что мы можем сделать?

– Убить его.

– Убить? Михея?!

В ответ Пушкарь приложил палец к губам, потому что в комнату вошла Инна. Он наполнил стаканы и задорно улыбнулся, глядя на Инну:

– Ну, давай, родная, за наше с тобой знакомство!

Она выпила, поморщилась, и Пушкарь протянул ей кусок сыра, нанизанный на кончик ножа. Но Инна взяла колбасу – рукой. А он снова наполнил стаканы, поставил пустую бутылку на стол и выпил, ни с кем не чокаясь, буркнул только:

– За Пухлого. Земля ему пухом... Пухлым пухом, гы. – Затем плюхнулся на диван, вытянул ноги, раскинул руки. – Молодой, ты заступаешь в наряд.

– Пост принял, – кивнул Прохор.

А Пушкарь закрыл глаза и засопел.

– А какой ты пост принял? – тихо спросила Инна, с затаенной улыбкой глядя на Прохора.

– Православный. Не пить, не курить. И ничего скромного...

– И ко мне не приставать?

– Это само собой.

– Может, ты душ хочешь принять? – спросила она.

Прохор кивнул. Было бы неплохо освежиться и привести себя в порядок.

– Я полотенце принесу.

Прохор вышел из дома, направился к летнему душу. Денек сегодня выдался жарким во всех отношениях, поэтому вода в баке была едва ли не горячее. Инна принесла полотенце, он, закрыв за ней дверь, разделся и включил воду. Но, перед тем как намылить голову, выглянул из кабинки. Инна уселась на скамейку напротив сарайчика. Похоже, она не собиралась никуда убегать.

Когда они вернулись в дом, то застали Пушкаря на том же месте и в той же позе. Только в бутылке осталось меньше половины. Он спал с перерывами, просыпаясь, чтобы выпить. С запойными так бывает.

– Быстро же он, – тихо сказала Инна. – Я даже приготовить ничего не успела.

Прохор пожал плечами. Еще не поздно заняться ужином. Он вышел во двор, сел на стул возле крыльца, закурил. Хорошо после душа, когда погода шепчет.

Поздно вечером Инна показала Прохору спальню на втором этаже и сказала:

– Ты давай на кровать, а я раскладушку поставлю.

– А соседняя комната? – спросил он.

– А если Пушкарь приставать полезет?

– Раскладушка моя.

Инна постелила ему, легла сама и велела выключить свет.

– Спокойной ночи! – сказала она, поворачиваясь к нему спиной.

Прохор лег на раскладушку и, прежде чем заснуть, долго слушал, как она ворочается и вздыхает.

Ночью шел дождь, вода в баке остыла, но холодный душ для проснувшегося организма в самый раз. Прохор взбодрился, вернул в тонус и дух, и тело.

А когда вышел из душа, нос к носу столкнулся с Пушкарем. Позавчера он пьянствовал, вчера опохмелялся – под глазами опухлости, на щеках щетина. А глаза дикие.

– Шухер! Уходим! – крикнул он, увлекая Прохора за собой.

И непонятно, то ли белая горячка с ним приключилась, то ли на самом деле им угрожала реальная опасность. Прохор не стал пытаться судьбу и ломанулся в малинник вслед за ним.

Им не пришлось лезть через забор. Пушкарь еще вчера сделал в нем пролом и замаскировал его.

Они проскользнули через лаз, по высокой траве рванули к лесу. Машина стояла на месте. Пушкарь разбросал ветки, сел за руль, завел двигатель и вдруг широко улыбнулся:

– Отбой учебной тревоге!

– Я так почему-то и подумал, – усмехнулся Прохор.

– Тяжело в учении, легко в бою... – Пушкарь тронул машину с места и выехал на зимник.

– В каком еще бою?

– В реальном... Это тебе не с бабами воевать.

– Я с бабами не воюю.

– Ну, если Инка без боя сдалась...

Прохор промолчал. Вчера ночью не было у них ничего с Инной.

– Девка она ничего себе. Можешь на ней жениться.

– Разрешаешь?

– Требую. После таких дел ты просто обязан на ней жениться... А если серьезно, ты просто обязан вернуться к ней.

Пушкарь говорил на удивление серьезно, именно поэтому Прохор учуял подвох.

– Давай без предисловий.

– Афоныч звонил.

– И что?

– Про тебя спрашивал. Как, мол, там наша опора и надежда поживает?

– Я ему не опора.

– Но надежда. Которую ты должен оправдать.

– А если короче?

– Михей совсем с катушек съехал. И тебя ищет, и меня... Скажи, кто должен его оставить?

– Хочешь сказать, что мы? – в дурном предчувствии спросил Прохор.

– А если больше некому?

– Мы должны его убить?

– Ты не был на войне и не знаешь. А там закон простой и жестокий, не убил ты – убьют тебя.

– Здесь не война.

– Еще какая война.

– Это не моя война.

– Да, но убивать здесь будут тебя... Короче, с Михеем надо решать. И если ты трус, я сделаю все сам.

– Я не трус.

– Давай, давай, расскажи, что это не твоя война. Скажи, что ты никому ничего не должен, – презрительно усмехнулся Пушкарь.

– И скажу.

– Только слова покрасивее подбирай. Будешь трусом в красивой обертке. Конфеткой для Михея. Если мы раньше тебя не сожрем.

Прохор не знал, что сказать. Он мог убить Пушкаря и уйти. Но, во-первых, это само по себе – грех на душу. А, во-вторых, проблема только усугубится.

– И как мы можем его убить? – спросил он.

Действительно, а почему бы не вскочить в седло, не вынуть пашку и не рубануть с плеча? Смелым улыбается удача.

– Он сейчас на Красном озере. База отдыха там.

– Знаю.

– Это его база. Он там все выкупил.

– И как же мы его там возьмем?

– Не знаю. Будем думать.

– Цель есть, а плана нет.

– Оценим обстановку, составим план. Или будем действовать по обстановке. Все, как на войне.

– Давай без лирики, – поморщился Прохор.

– Проза в том, что Михея надо грохнуть.

– Грохнуть на его базе. Там, где сейчас вся его банда. И ты хочешь, чтобы я сунул голову в это пекло?

– Вся его банда сейчас в городе, война там. Наши пацаны с ними там воевали, пока мы здесь прохлаждались... Нас для того и вывели из игры, чтобы мы не «светились». Чтобы в спину могли ударить. И ударим...

- Вряд ли он там без охраны.
- Охрана, конечно, есть.
- Вокруг Михея охрана, вокруг базы.
- Ничего, попробемся.
- Как?
- Я же говорю, будем действовать по обстановке.
- Чем действовать?
- Ну, стволы у нас есть.
- Паленые?
- От этого они хуже стрелять не стали.
- А патроны? – Насколько помнил Прохор, в его трофейном пистолете осталось всего два патрона. А запасной обоймы не было.
- И патроны есть, – кивнул Пушкарь. – И стволы чистые...
- Откуда?
- Стволы у нас простые, без понтов, зато на каждом углу.
- Не понял?

Пушкарь стал притормаживать. Машина прошла поворот, остановилась и задним ходом свернула с дороги.

- Выходим!

Он открыл багажник, снял боковую панель, сунул туда руку и, вытаскивая короткоствольный «АКСу» – еще не бывший в употреблении, нигде не облупленный, – спросил:

- Ну как?
- Да уж!

Оружие само по себе обладало злой волшебной силой. Стоило взять его в руки, как возникло желание стрелять, уничтожать врагов. И, конечно же, в благородных целях... Прохор представил, как будет стрелять в Михея, и его охватило чувство запретного восторга.

- Это мне!
- Тебе вот это! – Пушкарь вынул из тайника пистолет «ТТ».

И этот ствол еще не эксплуатировался. От него до сих пор пахло пушечным салом, в котором он долго хранился на складе. Но, понюхав ствол, Прохор уловил запах пороха и ружейного масла. Пистолет отстреляли, приготовили к бою, вычистили, смазали, уложили в тайник.

Он вынул обойму. Пусто. Похоже, Пушкарь ему не доверял.

– И это тебе. – Пушкарь достал из тайника несколько полных обойм и две упаковки с патронами, отдал Прохору два магазина и одну пачку. – Это значит, что ты в деле. Но первая скрипка за мной. Ты на подхвате.

Прохор кивнул. Такой вариант устраивал его больше всего.

Пушкарь положил автомат, достал еще один такой же «ТТ», зарядил его и, сунув за пояс, сказал:

- Стволы четкие, но без глушителей. Это плохо.
- Нехорошо, – согласился Прохор.
- А эта штука еще громче, – вынул тот из тайника две гранаты со снятыми запалами.
- Да уж.
- Это вместо «броников».
- «Броники» быгодились.
- Нормально все. Главное, не теряться. И держать порох сухим.
- Я уже на взводе, – кивнул Прохор.
- Тогда к машине!

Пушкарь достал взрыватели к гранате, запасной магазин к автомату и перенес это все в салон машины. Автомат бросил себе под ноги, а пистолет оставил за поясом. А Прохор положил свой под правую ногу, чтобы можно было легко его достать.

Глава 5

До Красного озера было не так уж и много, километров двадцать-тридцать, а дорога свободная – время пролетит быстро. И этого времени должно было хватить, чтобы окончательно настроиться на бой.

– Честно тебе скажу, не знаю, как там будет, – задумчиво проговорил Пушкарь. – Я видел дом, в котором может жить Михей. А вдруг его там нет? А охрана?

– Значит, к черту на рога?

У Прохора мелко задрожали пальцы. Он же не псих, чтобы не бояться смерти. А «костлявая» маячила перед глазами в полный рост. Их всего двое, точного наведения на цель нет, значит, им придется блуждать в потемках – на свой страх и риск. Михей сам по себе не прост, плюс вооруженная охрана. Можно не сомневаться в том, что телохранители будут стрелять на поражение.

Но и назад повернуть Прохор уже не мог. Он дал слово, и ему не хватит духу его забрать. Да и не хотелось ему быть хуже, чем Пушкарь, который готов был забраться в ад, лишь бы добиться своего. Если тот не боится смерти, почему он должен праздновать труса?

Машина шла по лесу – осины, березы. У осин стволы внизу темные – казалось, что вдоль дороги стоят, скрываясь за кустами, люди. Это действовало на нервы.

Они проехали не больше километра, когда показались большие кованые ворота с примыкающей к ним коробкой контрольно-пропускного пункта.

Пушкарь не стал близко подъезжать к воротам. Он остановил машину возле отдаленной беседки, сваренной из чугунных труб. Прохор заметил тропинку, которая тянулась вдоль забора, окружающего базу, к озеру.

– С чего начнем? – спросил Пушкарь.

Прохор молча показал ему на тропинку.

– Куда кривая выведет?

– Если выведет, – мрачно усмехнулся Прохор.

– Так, давай без паники... Опля! Что это у нас такое?

С территории базы выезжал такой же черный джип, как у него, но более крупный и более новый. Вслед за внедорожником появился и черный «Мерседес» представительского класса.

– Это Михей.

– Недолго музыка играла, – проговорил Прохор, едва сдерживая вздох облегчения.

Михей уезжает, значит, возможность покончить с ним на этой базе упущена. Он уедет, и пусть его ищут другие. А Прохору эта война и даром не нужна.

– Да нет, по ходу, еще играет. – Пушкарь потянулся за автоматом, глядя на притормаживающий джип.

Машина сначала взяла курс на них, а «Мерседес» продолжил движение.

– Уходить надо.

Прохор тоже достал свой пистолет, передернул затвор. Михей поехал дальше, а его охрана решила проверить подозрительный джип с затемненными окнами.

– На песца и зверь бежит... – ухмыльнулся Пушкарь. – Приготовься!

– Может, не надо?

Джип остановился, открылась дверь. Все, бежать уже поздно. Но и на месте оставаться нельзя.

– Начали!

Пока стекло опускалось, Пушкарь успел подготовиться к стрельбе и открыть огонь. Чтобы его поддержать, Прохору нужно было выйти из машины. Так он и сделал.

Одновременно с ним из джипа вышел бритоголовый парень в строгом черном костюме. Вернее, вывалился. Замертво. С дыркой под ухом.

Пушкарь садил короткими плотными очередями, автоматные пули с легкостью прошивали салон джипа. Там просто никто не мог уцелеть. Но открылась другая дверь, и выскочил еще один телохранитель. Выскочил как заяц и рванул в обход машины, низко пригибаясь к земле. Пушкарь не мог бы его достать при всем желании. Зато Прохор видел его отлично и взял в прицел еще до того, как он успел спрятаться.

Это была чужая война. И, что бы там ни говорил Пушкарь, Прохору нельзя было ввязываться в нее. Он явственно это осознал. Но только после того, как нажал на спуск. Парень в черном костюме собирался сделать последний прыжок с низкого старта. Еще чуть-чуть, и он скроется за машиной. Но пуля ударила в позвоночник и припечатала его к земле на самом взлете. А Прохор выстрелил снова. Чтобы наверняка.

Автомат стих, но он продолжал стрелять и разрядил бы в мертвое тело всю обойму, если бы его не ударило в спину открытой дверью. Это Пушкарь тронул машину с места и заорал через открытую дверь:

– Давай сюда!

Прохор кивнул, запрыгнул в машину, которая тут же сорвалась с места.

– Чего стоял, как хрен среди ясного неба? – спросил Пушкарь.

– Стоял, – озадаченно мотнул головой Прохор.

Что с ним случилось? Почему сдали нервы?.. Он же ясно осознал, что это чужая война. Тогда почему продолжал стрелять в человека?..

– Ствол заряди!

– Да, конечно.

– И автомат! – Пушкарь снял со своих колен и передал ему «АКСу».

Снаряженный магазин лежал под водительским сиденьем, Прохору пришлось лезть за ним. Он перезарядил автомат и только затем подумал, что на нем остались отпечатки его пальцев. Но подумал об этом вскользь. Сначала нужно было скрыться с места преступления, а затем уже замечать следы.

– Это им за наших пацанов! – гаркнул Пушкарь.

– А если это не Михей был?

– А кто?

– Ну, Королек, например...

– Королек без охраны ездит... Михей это был. Стопудово, Михей... Ух ты!

Машина стремительно приближалась к железнодорожному переезду, где перед опущенным шлагбаумом стоял знакомый «Мерседес».

– Приготовиться! – во весь голос скомандовал Пушкарь.

Открылась правая передняя дверь «Мерседеса», из машины, оправляя на себе пиджак, вышел крепкого телосложения мужчина средних лет и, глянув на притормаживающий джип, вдруг сошел с лица. Он-то думал, что это ехал автомобиль с его людьми.

Мужчина сунул руку под пиджак. Но пока он вынимал пистолет, Пушкарь остановил машину, и Прохор выскочил из нее. С автоматом, который он так и не успел вернуть Пушкарю.

А по рельсам уже с грохотом гнал товарняк.

Мужчина выстрелил первым, но Прохор присел, и пуля прошла у него над головой. Палец автоматически нажал на спуск, грохотнули выстрелы, и человек в костюме навалился спиной на открытую дверь.

Из «Мерседеса» юрко выскочил водитель. В руке у него был пистолет. А на цель он навел его так быстро, что Прохор просто не успел перенести огонь. Ему не хватало какой-то секунды.

Но Пушкарь его подстраховал и выстрелом из пистолета уложил водителя. Затем со всех ног рванул к машине. Прохор увидел, как он достает на ходу гранату, выдергивает из нее чеку. Гранату он бросил в открытую дверь, закинув ее на заднее сиденье, и спокойно повернул назад.

Машину тряхнуло изнутри, но стекла не вылетели, даже не треснули. Из распахнутых передних дверей выхлопнулся дымок.

– Уходим! – гаркнул Пушкарь.

В машину они сели одновременно. Пушкарь сдал назад, скатился с асфальтированной дороги на разбитую грунтовку, что тянулась вдоль железнодорожной колеи.

Какое-то время они ехали молча.

– Не думал я, что «мерсы» такие крепкие. Стекла даже не треснули, – сказал Прохор.

– Да?.. Я думал, что ты знал, – косо глянул на него Пушкарь.

– Что знал?

– Что у Михея «мерс» бронированный.

– Не знал.

– Ты же видел, как он тяжело шел.

– Не обратил внимания.

– Это потому, что ты не догоняющий.

– Почему это я не догоняющий?

– А потому, что по «мерсу» не стрелял... Надо было его в решето сделать!

– Так он же бронированный!

– Но ты же не знал!

– А если бы я тебя задел?

– Я когда к машине подошел?.. А-а! – Пушкарь устало махнул рукой.

– С гранатой ты хорошо придумал.

– Я же говорю, главное, не теряться.

– А почему в машину не заглянул?

– Зачем?

– А вдруг там не было Михея?

– Поэтому и не заглянул... – немного подумав, ответил Пушкарь. – Чтобы не расстраиваться.

– И не расстроился?

– Ни грамма.

– Что дальше будем делать?

– К Инне своей торопишься? – усмехнулся Пушкарь.

– Да нет, как-то не думал.

– Можешь думать, к ней едем. Там перекантуемся. Место отличное, эвакуация работает... Лихо мы сработали, да?

– Повезло.

– Знаешь, а ведь я в тебе сомневался. Думал, что налажаешь. А ты – молоток! На тебя можно положиться.

– Мне теперь не надо бояться Михея? – спросил Прохор.

– Михея – нет. Но вместо него кто-то будет. Клепа у них там самый авторитетный... Клепа узнает, кто Михея сделал. Как думаешь, он оставит нас в покое?

– Что, и Клепу нужно завалить?

– Надеюсь, это сделают без нас.

– А если нет?

– Войну нельзя остановить просто так. Войну может остановить только полная победа.

– А если я сам хочу остановиться?

Пушкарь глянул в зеркало заднего вида и остановил машину:

– Выходи!

Проход нерешительно открыл дверь. Да, он принимал участие в чужой войне, но почему-то почувствовал себя сейчас крысой, бегущей с тонущего корабля.

– Только учти, ты сегодня конкретно «засветился». Без нас менты тебя схавают. А с нами не пропадешь.

– И чем вы сможете помочь?

– Свидетелям рот закроем. И на тюрьме не дадим пропасть. У Афоньча там такие завязки.

Проход закрыл дверцу, и машина покатила дальше – вперед, под откос. Он уже сделал все для того, чтобы его жизнь шла по наклонной вниз. Тюрьма для него – вопрос уже решенный. Или тюрьма, или смерть от бандитской пули... С этой мыслью нужно свыкнуться окончательно. Свыкнуться и жить, радуясь каждой минуте, проведенной на свободе.

– Ты с нами? – спросил Пушкар.

– А у меня есть выбор?

– Это хороший выбор. Афоньч умеет зарабатывать деньги. И тебе даст заработать... Кстати, за Михея тебе причитается.

– Если мы Михея сделали.

– А кого еще?

– Может, Королька.

– Дался тебе этот Королек. Чего ты на нем заиклился?

– Да так, – отмахнулся Проход.

– Давай, ты не будешь темнить, – косо глянул на него Пушкар. – Мы теперь с тобой два сапога пара, и я не хочу, чтобы твоя нога шарилась по кустам.

– Тебя девушка из армии ждала?

– Танька меня ждала. Красивая, сука! – вздохнул Пушкар.

– Почему сука?

– А потому что свадьбу сыграла. Собачью... Прикинь, свадьба собачья была, а замуж за козла вышла... Я когда узнал, домой чуть не рванул, с автоматом... Всех бы там в капусту порубил!

– Понимаю.

– Я теперь с бабами серьезно не могу. Как подумаю, что любая бросить может, так злость берет... Сколько их у меня было! Сегодня снимаешь, а завтра пинка под зад. Думаешь, жалко? А хрена лысого! Так, погоди, а тебя кто из армии не дождался?

– Она за Королька замуж собирается.

– Когда свадьба?

– Скоро. Может быть, очень скоро.

– Автомат у тебя есть, – совершенно серьезно произнес Пушкар.

– И всех в капусту?

– Зачем всех? Начни с Королька, а там видно будет.

– Он же с вами работает?

– И что? Он же барыга... Такие барыги у нас по пятаку в базарный день.

– Нет, так нельзя.

– Я тебя уговаривать не собираюсь... – пожал плечами Пушкар. – Но если вдруг что, я тебе помогу... Ну, после того как со всей этой байдой разрулимся.

– Я подумаю.

– А может, ты на Инку переключился?

– Да нет.

– Поматросить бабу решил? Ну и правильно. Так им, сукам, и надо.

Прохор внимательно посмотрел на Пушкаря. Очень скоро Лида выйдет замуж за другого, но это не повод для того, чтобы озлобиться на весь слабый пол, как Пушкарь, который и Инну собирался убить, не испытывая при этом никаких душевных мук. Может, он маньяк по жизни? Если нет, то почему ему нравится убивать?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.